

В.В. Маяковский

Маруся отравилась

Вечером после работы этот комсомолец уже не ваш товарищ. Вы не называйте его Борей, а, поддельваясь под гнусавый французский акцент, должны называть его «Боб»...

«Комс. правда».

В Ленинграде девушка-работница травилась, потому что у нее не было лакированных туфель, точно таких же, какие носила ее подруга Таня...

«Комс. правда».

Из тучки месяц вылез,
молоденький такой...
Маруся отравилась,
везут в прием-покой.
Понравился Марусяке
один
 с недавних пор:
нафабранные усики,
Расчесанный пробор.
Он был
 монтером Ваней,
но...
 в духе парижан,
себе
 присвоил званье:
«электротехник Жан».
Он говорил ей часто
одну и ту же речь:
— Ужасное мещанство —
невинность
 зря
 беречь. —
Сошлись и погуляли,
и хмурит
 Жан
 лицо, —
нашел он,
 что
 у Ляли
 красивше бельецо.
Марусе разнесчастной
сказал, как джентльмен:
— Ужасное мещанство —
семейный
 этот
 плен. —

Он с ней
 расстался
 ровно
через пятнадцать дней,
за то,
 что лакированных
нет туфелек у ней.
На туфли
 денег надо,
а денег
 нет и так...
Себе
 Маруся
 яду
купила
 на пятак.
Короткой
 жизни
 точка.
— Смер-тель-ный
 я-яд
 испит... —
В малиновом платочке
в гробу
 Маруся
 спит.
Развылся ветер гадкий.
На вечер,
 ветру в лад,
в ячейке
 об упадке
поставили
 доклад.

Почему?

В сердце
 без лесенки
лезут
 эти песенки.
Где родина
 этих
 бездарных романсов?
Там,
 где белые
 лаются моською?
Нет!
 Эту песню
 родила масса —
наша
 комсомольская.

Легко
врага
продырявить наганом.
Или —
голову с плеч,
и саблю вытри.
А как
сейчас
нащупать врага нам?
Таится.
Хитрый!
Во что б ни обулись,
что б ни надели —
обноски
буржуев
у нас на теле.
И нет
тебе
пути-прямика.
Нашей
культуришке
без году неделя,
а ихней —
века!
И растут
черные
дурни
и дуры,
ничем не защищенные
от барахла культуры.
На улицу вышел —
глаза разопри!
В каждой витрине
буржуевы обноски:
какая-нибудь
шляпа
с пером «распри»,
и туфли
показывают
лакированные носики.
Простенькую
блузу нам
и надеть конфузно.
На улицах,
под руководством
Гарри Пилей,
расставило
сети
Совкинó, —
от нашей
сегодняшней
трудной были

уносит
к жизни к иной.
Там
ни единого
ни Ваньки,
ни Пети,
одни
Жанны,
одни
Кэти.
Толча комплименты,
как воду в ступке,
люди
совершают
благородные поступки.
Все
бароны,
графы — все,
живут
по разным
роскошным городам,
ограбят
и скажут:
— Мерси, мусье, —
изнасилуют
и скажут:
— Пардон, мадам. —
На ленте
каждая —
графиня минимум.
Перо в шляпу
да серьги в уши.
Куда же
сравниться
с такими графинями
заводской
Феклуше да Марфуше?
И мальчики
пачками
стреляют за нэпачками.
Нравятся
мальчикам
в маникюре пальчики.
Играют
этим пальчиком
нэпачки
на рояльчике.
Асунешься в клуб —
речь рвотная.
Чешут
языками
чиновноустые.

Можно и кепки,
 можно и шляпы,
можно
 и перчатки надеть на лапы.
Но нет
 на свете
 прекрасней одежды,
чем бронза мускулов
 и свежесть кожи.
И если
 подыметесь
 чисты и стройны,
любую
 одежу
 заказывайте Москвошвею,
и...
 лучшие
 девушки
 нашей страны
сами
 бросятся
 вам на шею.

1927